

В комнате стояла глубокая тишина. Юй Цюся неторопливо курил, повернувшись к окну.

— Юй Цюся, — едва слышно прошептал Фан Сынун.

— Я ведь люблю тебя, милый, — отозвался Юй Цюся.

Фан Сынун прижал его к себе еще крепче.

"Лжец".

Самым горьким было то, что следом пришла другая мысль: пусть это ложь, пусть небрежная и ленивая, но Юй Цюся хотя бы утруждает себя ею. И этого малодушного утешения Фан Сынуну хватало с лихвой.

Он почувствовал мимолетное прикосновение губ к своей макушке.

— Давай сегодня поговорим о чем-нибудь другом, — предложил Юй Цюся.

— О чем, например?

Юй Цюся на мгновение задумался.

— О звездах и могильных плитах, пожалуй.

— Я в этом ничего не смыслю, — тихо ответил Фан Сынун.

— Погляди на ту звезду, видишь, как ярко горит? — Юй Цюся свободной от сигареты рукой мягко коснулся его щеки, увлекая за своим взглядом.

Фан Сынун не шевельнулся — он все равно не понял бы, о какой именно звезде идет речь. Впрочем, Юй Цюся это не заботило.

— В старших классах, в астрономическом кружке, я зубрил звездные атласы, — негромко продолжил он. — Тогда я наверняка назвал бы тебе ее имя. Мы могли бы лежать на крыше или на вершине холма до самого рассвета, и я рассказывал бы тебе о созвездиях. А сейчас... ничего уже не помню.

Фан Сынун крепче обхватил его за шею. Сердце болезненно сжалось — оно казалось одновременно переполненным до краев и пугающе пустым. Счастье мешалось с тихой, изнуряющей грустью.

Немного погодя Фан Сынун приподнял голову и, прикинув к его ключице, попросил:

— Дай мне тоже затянуться.

Юй Цюся послушно вложил ему в губы свою наполовину выкуренную сигарету, а сам нащупал на подоконнике пачку, достал новую и зажал зубами. Мягко обхватив пальцами его подбородок, он соединил кончики сигарет и прикурил.

Губы Фан Сынуна пересохли, но фильтр сигареты хранил легкую влагу чужого дыхания. Он медленно, бережно втянул в себя горьковатый дым, смакуя каждую секунду.

Они молча курили, пока сигареты не истаяли наполовину. Наконец Юй Цюся тихо усмехнулся:

— Скажи, Фан Сынун, неужели у тебя нет других обязательств в этом мире, кроме твоей любви?

Прохладный большой палец Юй Цюся скользнул по его веку. Прикосновение было невесомым, как дуновение ветра, а от кожи исходил тот самый, до боли знакомый аромат.

— Завидую тебе, — слышался тихий, почти беззвучный вздох. — Ты никогда не сдашься перед этой пустотой.

"Ошибаешься", — подумал Фан Сынун. — "Не будь тебя, меня бы давно уже не было на свете".

— А звезды умеют любить? — спросил он.

Тлеющий уголек с тихим шипением угас в пепельнице на подоконнике. Юй Цюся забрал сигарету из его пальцев, повторив то же движение. В следующую секунду он резко подался вперед, нависая над ним тяжелой, темной тенью.

Юй Цюся был пугающе худ. Тонкий, почти девичий силуэт в поясе венчали на удивление широкие, развернутые плечи с острыми, точно скальные выступы, ключицами. Фан Сынун рисовал его обнаженным сотни раз: на бумаге все изгибы этого тела ложились мягко, плавно, словно вода, и лишь для этих угловатых плеч приходилось использовать самый твердый, остро заточенный уголь. Ему часто казалось — и это же видение возвращалось к нему в кошмарах, — будто только на этих упрямых костях и держится колдовская, порочно-прекрасная плоть Юй Цюся, не позволяя ему окончательно рассыпаться и обратиться в лужу благоухающего, гнилого цветочного сока.

Юй Цюся прикинул к его губам. Его ладони, упершиеся в грудь Фан Сынуна, поначалу показались ледяными, но израненное восприятие сыграло злую шутку: мгновение спустя этот холод обернулся невыносимым, лихорадочным жаром. Сердце заколотилось с такой бешеной силой, словно пыталось вырваться из груди прямо под пальцами любовника.

Поцелуй обрушился на него неистовым, сокрушительным штормом. Поначалу Фан Сынун еще пытался тянуться навстречу, обвивая руками его шею, но быстро ослаб, окончательно покоряясь этому натиску. А Юй Цюся все продолжал пить его дыхание.

Юй Цюся нередко предавался подобным капризам, поддаваясь сиюминутному порыву, однако Фан Сынун не питал иллюзий. Он слишком хорошо знал: любовью здесь и не пахло.

Наконец Юй Цюся отстранился, слегка толкнув его в лоб, но сходить не спешил. Он сидел верхом, глядя на Фан Сынуна сверху вниз; в его глазах, поймавших крупницу лунного света, читалось какое-то дикое, растрепанное изящество.

— Вытри голову, — бросил он. — Холод собачий.

— Фан Сынун? Что случилось?

Голос, кажется, принадлежал Чжоу Яо, но Фан Сынуну было плевать. Слушая длинные, безнадежные гудки в трубке, он в каком-то сомнамбулическом трансе остервенело грыз ногти.

В следующий миг он резко вскочил. Чжоу Яо попыталась удержать его за рукав, но он грубо оттолкнул ее руку и вылетел из конференц-зала.

Во время совещания телефон стоял на беззвучном режиме. Фан Сынун случайно скользнул взглядом по экрану и заметил пропущенный вызов от Юй Цюся.

В этом не было ничего необычного: оба вечно пропадали на работе, забывая о еде и сне, так что пропустить звонок было делом житейским.

Но затем он увидел пропущенный голосовой вызов еще и в WeChat.

И тогда его накрыла паника. Юй Цюся никогда не звонил дважды. Если случалось что-то срочное, он просто набирал один раз и ждал, пока Фан Сынун перезвонит.

Сердце заколотилось в бешеном ритме. Произошло что-то непоправимое.

Он принялся лихорадочно перезванивать, но никто не брал трубку.

Память сохранила лишь обрывки: он то ли бежал куда-то, то ли вел машину под слепящим, бьющим по глазам солнцем, от которого перед взором плыли темные круги. Улицы бешено неслись навстречу, мир содрогался и кренился, словно готовый вот-вот развалиться на куски.

на следующем же перекрестке...

Он ворвался в квартиру.

Первое, на что наткнулся его взгляд — бумажный листок на подоконнике.

Бешеный стук в груди оборвался мертвой паузой, чтобы через секунду возобновиться с утроенной силой. Тело мгновенно прошиб холодный пот, конечности задрожали мелкой дрожью.

Сделав несколько деревянных шагов, он поднял листок и расправил его дрожащими пальцами.

За окном раскачивались мокрые вязы, шумел дождь. Весь мир словно накрыло тусклым, сине-зеленым саваном.

Размашистый, летящий почерк Юй Цюся казался почти изящным, если бы не последний росчерк, прорвавший бумагу насквозь. Эта рваная полоса полоснула Фан Сынуна по глазам, точно глубокий порез.

Там было написано:

[Я уйду из этого блядского мира]

Он бросился к ванной и рванул на себя дверь. Занавеска была плотно задернута. На белом кафельном полу темнели пятна крови.

Фан Сынул бросился вперед, сдернул пластиковую штору и...

В глазах мгновенно померкло. В ушах с тяжелым, нарастающим гулом рушились опоры его личной вселенной.

Юй Цюся лежал в багровой воде, бессильно уронив голову на плечо. Глаза его были плотно закрыты, а бледное лицо хранило печать безмятежного сна — тихого, чистого и жуткого в своем покое. Длинные мокрые волосы вились по поверхности окрашенной кровью воды, укрывая собой очертания распростертого тела.

Ноги Фан Сынуна подкосились, и он с глухим стуком рухнул на колени у самого бортика.

В полубезумном порыве он потянулся к шее Юй Цюся, пытаясь уловить хоть слабый намек на дыхание или биение пульса. Тщетно. Под пальцами была лишь леденящая пустота. Он вытянул мокрую руку любовника из воды: запястья покрывали глубокие, жуткие раны. Это были не

ровные порезы от бритвы. Края плоти были рваными, истоптанными... как от укусов.

Края разорванной кожи вывернулись наружу, обнажая на левом запястье белесую кость. Изъязвленная плоть разбухла в воде и побелела. Кровь давно иссякла.

Он несколько раз попытался вытащить Юй Цюся наружу, но ослабевшие руки скользили, и тело снова опускалось в воду. Наконец, выбившись из сил, Фан Сынун бессильно осел на мокрый пол. Ухватившись за бортик ванны, он неотрывно всматривался в любимое лицо, пока слезы не застелили ему взор.

Он не пытался утереть слезы. Просто опустил голову и посмотрел на собственные запястья.

В этот момент паника и липкий страх на удивление быстро отступили.

Внутри воцарился мертвый покой. Дыхание выровнялось, и в тесной ванной комнате воцарилась абсолютная, звенящая тишина.

В одно мгновение перед его мысленным взором пронеслась вся его жизнь. И он легко, без малейших колебаний, принял решение.

Он ведь никогда не отличался жадностью. Он мог пережить расставание, мог смириться с вечной разлукой, с тем, что они больше никогда не увидятся...

Но существовать в мире, где нет Юй Цюся, он не мог.

Это было невыносимо. Невозможно.

Зачем ему этот опустевший мир?

Он поднес запястье к губам и изо всей силы вонзил зубы в собственную плоть.

Зубы с хрустом пробили кожу. Язык ощутил безумное биение горячей артерии перед тем, как она лопнула, брызнув в рот струей сладковато-металлической крови.

"Больно", — лениво подумал он. — "Наверное, куда больнее, чем полоснуть ножом".

— Мог бы и ножом воспользоваться, лентяй несчастный, — прошептал он, протягивая уцелевшую руку к лицу покойного и нежно лаская холодную кожу. — Это же чертовски больно...

В следующую секунду Юй Цюся открыл глаза.

Не успел Фан Сынун опомниться, как ледяные пальцы вцепились ему в загривок и с силой притянули вниз, навстречу яростному, безумному поцелую.

Боль и горячая кровь вскипели в горле ослепительной вспышкой. В нос ударил густой, дурманящий запах увядающих цветов. Фан Сынун почувствовал, что тонет, стремительно погружаясь в ледяную бездну, все дальше и дальше от ускользающей поверхности.

Сквозь пелену угасающего сознания он зрел, как из кровавого месива и лепестков медленно восстает прекрасный демон. Его изможденный силуэт держался лишь на упрямых, острых плечах, а тяжелые мокрые пряди змеиными кольцами вились по безупречной, точно у распятого Христа, бледной коже.

С закрытыми глазами Юй Цюся казался почти кротким, его черты смягчались, являя обманчивую чистоту. Но стоило ему распахнуть веки, как облик его вспыхивал хищной, порочной красотой. В глубине влажных мерцающих глаз распускался алый сад, омытый чужой кровью — зрелище неистовое, неописуемо прекрасное.

Фан Сынун уже приготовился окончательно кануть во тьму, но в этот миг его щеки стиснули ледяные ладони. Поцелуй вспыхнул с новой силой.

— Мы не расстанемся.

Сквозь лихорадочное переплетение губ до него доносился прерывистый, глухой шепот Юй Цюся:

— Фан Сынун... мы больше никогда не расстанемся.

Фан Сынун вдруг почувствовал странную благодарность к годам, проведенным в киноакадемии. Пожалуй, именно эта профессиональная закалка позволила его угасающему разуму соткать столь безупречную, детальную иллюзию, способную утешить его в предсмертные секунды.

Он медленно сжал пальцами запястье любовника, веками оглаживая разорванные края плоти, похожие на лепестки распустившегося цветка, и ответил на поцелуй с отчаянной нежностью.

Ему ведь так мало было нужно. Когда-то он глупо надеялся на взаимность, но позже примирился и с этим: ему хватало одного знания, что Юй Цюся ходит по этой земле. Что он просто жив.

В памяти неожиданно всплыло то далекое паломничество в Тибет, когда он обходил священную ступу в затерянном монастыре. Как же хорошо, что тогда он мысленно просил лишь прощения, не дерзнув вымолить ничего для себя. Говорят, небеса карают алчных, а тибетские амулеты воистину сильны. Попроси он тогда хоть малейшую милость — и эта прекрасная, хищная тварь сейчас ни за что не пришла бы за ним...

— Фан Сынун, Фан Сынун...

— Мы не расстанемся...

Голос Юй Цюся продолжал звать его, но Фан Сынун понимал, что все это лишь предсмертный бред. Он не хотел разрушать это хрупкое видение и просто позволял себе погружаться в уютный мрак.

А настойчивый шепот продолжал звенеть над ухом:

— Ты слышишь меня, Фан Сынун?

— Открой глаза. Слышишь? Мы снова вместе.

— Фан Сынун!

В последнем окрике скользнуло отчетливое, такое знакомое раздражение.

"Надо же", — лениво подумалось Фан Сынуну. — "Под самый конец мое подсознание все-таки уловило его истинную интонацию. И все же поздноато ты научился подражать ему".

— Давай быстрее, — нетерпеливо бросил голос.

На этот раз сходство было настолько пугающим, что у него поползли мурашки по коже. Позабыв обо всем, он ощутил, как его измученное тело среагировало само, подчиняясь заложенному на подкорке приказу.

Он открыл глаза.

Первое, что он увидел — мягко колышущуюся на границе зрения светящуюся листву. А прямо перед собой... Юй Цюся?

Тут же пришла резкая боль: щеки немилосердно сдавливали чьи-то сильные пальцы, а во рту настойчиво двигалось что-то чужое...

Потребовалось несколько долгих секунд, чтобы разум наконец осознал: они целуются. По-настоящему.

— Наконец-то ты соизволил очнуться, — прошептал Юй Цюся, нехотя разрывая поцелуй.

Но едва их взгляды встретились, он вдруг осекся. В расширенных зрачках Юй Цюся промелькнула отчетливая, непривычная паника.

Помедлив, он бережно провел подушечкой пальца от его заплаканного века к виску. А затем отвел глаза и пробормотал едва слышно, точно самому себе:

— Я ведь никогда раньше не видел, как ты плачешь.

<http://bllate.org/book/20607/2237858>